

Litera

Правильная ссылка на статью:

Хао Ц. Экзистенциальная дилемма героя в повести «Первой любви»: гамлетовский вопрос // Litera. 2024. № 6.
DOI: 10.25136/2409-8698.2024.6.44087 EDN: CZRGRW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44087

Экзистенциальная дилемма героя в повести «Первой любви»: гамлетовский вопрос

Хао Цзинцин

кандидат филологических наук

аспирант, кафедра истории русской литературы, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская, 7-9, оф. 7-9

✉ 1925518245@qq.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2024.6.44087

EDN:

CZRGRW

Дата направления статьи в редакцию:

20-09-2023

Аннотация: Статья посвящена экзистенциальной дилемме героя в повести И. С. Тургенева «Первая любовь», восходящей к вечному гамлетовскому вопросу. Анализируется травматичный опыт героя повести, в образе которого можно обнаружить нравственно-психологические черты, свойственные Гамлету, перенесенные в контекст русской культурной традиции. Объектом исследования является политико-этическая дилемма героя в повести «Первая любовь». Предметом исследования выступают необычный любовный опыт главного героя повести и связанные с ним социальные и семейные отношения. Основная цель работы заключается в том, чтобы проанализировать шекспировские реминисценции в повести, выявить гамлетовский вопрос, стоящий за трагической любовью героя. В работе применялись следующие методы исследования: метод целостного анализа художественного произведения, описательный, сравнительно-сопоставительный, а также метод лингвокультурной интерпретации. Проведенное исследование показывает, что И. С. Тургенев преподносит историю первой любви юного героя как социально-политическую аллегию, аллюзию на экзистенциальную дилемму молодого поколения в переломный период. Именно неспособность разрешить эту дилемму приводит героя повести к трагическому финалу,

что следует рассматривать как предостережение писателя. Описанные в данной статье результаты будут способствовать более глубокому осмыслению позднего творчества И. С. Тургенева, а также могут быть внедрены в качестве научного материала в учебный процесс на филологическом факультете. Научная новизна исследования состоит в том, что в работе впервые подробно изучен гамлетовский вопрос в тургеневской повести, на который обычно обращается мало внимания, и обнаружена причина формирования русского Гамлета из двойной дилеммы (политической и этической) главного героя.

Ключевые слова:

Иван Тургенев, Первая любовь, гамлетовский вопрос, политическая дилемма, этическая дилемма, эдипов комплекс, Гамлет, Уильям Шекспир, социально-политическая аллегория, психологическая травма

Всем известно, что на протяжении всей своей жизни И. С. Тургенев поддерживал диалог с У. Шекспиром. Он ставил английского драматурга на одной доске с самым выдающимся и легендарным певцом античности — Гомером, и называл его «глубочайшим знатоком человеческого сердца» [\[24, с. 177\]](#). По мнению русского писателя, имя Шекспира уже стало «одним из самых лучезарных, самых великих человеческих имен» [там же, с. 188]. Для целого современного литературного процесса Шекспир представляется как необходимая «константа», а для Тургенева он оказывается постоянным эстетическим ориентиром и проводником при столкновении со спорными и противоречивыми художественными вопросами.

Изучение проблемы рецепции шекспировского наследия в творчестве Тургенева, а также художественного воздействия Шекспира на писателя имеет давнюю традицию, которая прослеживается в исследованиях российских и зарубежных ученых. Проспер Мериме четко указывает на сходство эстетики Тургенева с шекспировской («Он находит возвышенные черты даже в самых низменных натурах. Он часто напоминает мне Шекспира» [\[18, с. 277\]](#)). Первая попытка обобщить и систематизировать тургеневское восприятие английского гения принадлежит Д. С. Гутману [\[8\]](#), идеи которого получает дальнейшее дополнение и развитие в трудах Л. М. Лотмана [\[16\]](#) и Ю. Д. Левина [\[14\]](#). Последний дает общее представление о писательском интересе к Шекспиру и анализирует связь художественного метода Тургенева с творческим мастерством английского поэта. Особое внимание уделяет исследователь трактовке писателем Гамлета и Короля Лира.

Кроме того, в работах А. Б. Муратова, П. Ваддингтона, Е. Г. Новиковой, В. М. Марковича, Т. В. Швецовой, И. О. Волкова и др. также рассматривается с разных точек зрения шекспировская поэтика в творчестве Тургенева. Центральными в этом отношении произведениями становятся рассказ «Гамлет Щигровского уезда», повести «Довольно» и «Степной король Лир». Нас интересует повесть Тургенва «Первая любовь», которая редко упоминается в вышеприведенной литературе.

В опубликованной в 1860 году повести «Первая любовь» рассказывается о чувствах и связанных с ними душевных переживаниях юного героя Володи, попавшего в трагедию любви и несправедливой судьбы. Герой влюбляется в обедневшую дворянку Зинаиду, которая представляется как жертва обстоятельств, легкомысленная и привлекательная девушка. Однако позже он узнает, что эта гордая девушка влюблена в его отца, и

добровольно попадает в рабство любви. Полудетская влюбленность героя пришла в неразрешимое столкновение с драматизмом и жертвенностью взрослой любви. Необычный опыт первой любви оставил глубокий отпечаток на всю его дальнейшую жизнь. Тереоскопичность и многоаспектность повести позволяет обсудить отраженные в ней разнообразные творческие связи писателя с его предшественниками и современниками.

В центре сюжета повести – любовь, которая поработает, что со всей очевидностью восходит к поэтике А. Шопенгауэра, который подчеркивал мистический характер любовной страсти, «трактуя любовь как сверхличностное мистическое чувство» [7, с. 415]. На сходство повести Тургенева с романом Александра Дюма-сына указывал современник писателя. Луи Виардо сравнивал тургеневскую героиню с «Дамой с камелиями»: «Кого же она изберет среди своих обожателей, эта новая "Дама с камелиями"? Женатого мужчину. Снова адюльтер, всегда процветающий и прославляемый адюльтер!» [9, с. 487-488].

О. Ю. Коробейникова [11] и М. П. Хохлова [26] анализируют пушкинские реминисценции в повести. А. И. Батюто обращает внимание на отсылки в ней к В. Г. Белинскому, отмечая, что в повести важно не только «умение постигать значение творчества А. С. Пушкина, но и потенциальная способность сочувственного отклика на суждения о нем Белинского». «Мнение в духе Белинского», с его точки зрения, вкладывает Тургенев «в уста Зинаиды, понимающей красоту подлинной поэзии» [1, с. 631]. Отталкиваясь от этой позиции, Т. Б. Трофимова [21] рассматривает тургеневскую повесть о любви как полемический отклик новеллиста на рассказ «Маленький герой» Ф. М. Достоевского. В центре полемики, как выявляет ученый, становится В. Г. Белинский, особенно его рассуждения о романтизме. Присутствие Теодора Шторма в «Первой любви» также привлекло внимание исследователей. Л. В. Пумпянский, например, выявляет, что «При перестроении новеллистики Тургенева на новую для русской литературы элегическую тональность роль Шторма была очень велика, для некоторых пунктов (например, лирическое введение темы старости), быть может, даже решающей» [19, с. 439]. Однако мы сосредоточимся на аспекте вечного образа Шекспира, а именно гамлетовского вопроса, скрытого в повести.

Интерес Тургенева к шекспировской пьесе «Гамлет» и ее главному герою оставался неизменным на протяжении всей его творческой жизни. Трагедия Шекспира стала источником вдохновения для писателя. На присутствие датского принца в произведениях Тургенева указывали многие ученые, специально этот вопрос исследовали Т. В. Швецова [27] и И. О. Волков [6].

Связь «Первой любви» как любовно-философской повести с драмой Шекспира неочевидна, но она все же существует. Так, И. А. Беляева пишет: «повесть в творчестве Тургенева актуализировала в характере героя гамлетовское начало. Это, конечно, не означает, что все герои тургеневских повестей типологически – Гамлеты. Но им довлеет гамлетовская доминанта. Они, даже при определенной степени открытости миру и людям, все же оказываются сосредоточены на себе, а их существование замкнуто во времени и пространстве» [3, с. 92]. Отметив политический подтекст в повести, А. Вдовин подчеркивает, что «главный же смысл, главная притягательность «Первой любви» всегда была и остается для читателя в том, что это детективно и увлекательно, со всем мастерством рассказанная любовная история, которая, конечно же, оставляет при этом простор для многочисленных отхождений в боковые сюжеты, одним из которых является вот эта политическая аллегория, отсылающая к вечному гамлетовскому вопросу, который,

как мы помним, обсуждался Тургеневым в знаменитой статье «Гамлет и Дон-Кихот»» [5].

Весь текст повести «Первая любовь» словно проникнут атмосферой шекспировской романтической поэзии. Так же как в трагедии о принце датском, у Тургенева широко показан душевно-эмоциональный мир героя-рассказчика, подчёркивается его рефлексия, описываются эмоциональные испытания. Переживания героя будто собраны в живописную галерею нравственно-психологических движений его души: здесь сладкая радость и нежность, тревожные предчувствия и сомнения, горькое разочарование и боль, тягостная разлука и смерть. Володя, весьма близкий Гамлету по своему темпераменту, любит поэзию, меланхоличен, созерцателен, причудлив, страстен в своем стремлении к любви. Он чётко фиксирует все свои душевные впечатления, исследует в саморефлексии собственные чувства, личность и судьбу. И таким «эгоцентрическим» образом построено всё повествование в анализируемой повести. Но более важным элементом повествования представляется драматическая доминанта, которая служила и для Тургенева связующим звеном его произведения с пьесой Шекспира; эта драматическая доминанта связана с моральной сломленностью и деградацией главного героя.

О самой первой любви Тургенев писал в 1871 г. так: «Первая любовь – та же революция: однообразно-правильный строй сложившейся жизни разбит и разрушен в одно мгновение» [22, с. 323]. Неудачный опыт первой любви разрушает идеалистический жизненный уклад и ценности Володи, ставя его перед такими трудностями, как необходимость самопознания, запутанность чувств, тягостный моральный выбор. И эта неразделённая юношеская любовь символизирует двойную дилемму (политическую и этическую), с которой приходилось сталкиваться тому молодому поколению. Невинный, чистосердечный, полный пылкой страсти юноша, пережив «революцию» первой любви – трагическое столкновение идеалов с реальностью, неизбежно превратился в русского Гамлета.

Уже в самом начале повести писатель подчеркивает отчуждённость героя-повествователя от светского мира. Его новую соседку, обедневшую дворянку Зинаиду, презирает мать Володи; хотя он с этим не согласен, говоря об уважаемом, солидном княжеском титуле её отца, герой говорит: «Княжеский титул на меня мало действовал: я недавно прочел “Разбойников” Шиллера» [23, с. 307]. Отсылка к немецкой пьесе, главный герой которой также является персонажем гамлетовского типа, постоянно страдающим от несоответствия своих романтических представлений о мире суровой реальности, намекает на то, что Володя – мятежник по духу. Как и Гамлет, Володя представлен как бунтарь против светского общественного порядка, в некоторый степени отстранённый от забот и интересов светского мира.

Зинаида, в свою очередь, представлена читателю как жертва обстоятельств. Володя одержим Зинаидой, но эта его одержимость встречает препятствие в виде проблем «здешней атмосферы». Об этом в повести говорит врач – авторитетный человек, который способен здраво оценить ситуацию. Он много раз пытался пробудить в Володе голос разума: «Да выбор-то ваш больно неудачен. Разве вы не видите, что это за дом?» [Там же, с. 331]; «<З>десь для вас воздух вредный — поверьте мне, заразиться можете» [Там же]; «<П>овторяю вам: здешняя атмосфера вам не годится» [Там же, с. 332]; «Вредна, вредна вам здешняя атмосфера, молодой человек» [Там же, с. 333]. С данными заключениями об «атмосфере» (как природной, так и социальной) перекликается гневное, но бессильное признание Зинаиды: «Разве жить так весело? Оглянитесь-ка кругом... Что — хорошо? Или вы думаете, что я этого не понимаю, не

чувствую?» [Там же, с. 332].

Следует отметить, что во французском переводе повести, опубликованном в Париже в 1863 г., Тургенев дописал концовку (она воспроизведена и в воспоследовавшем немецком издании). В ней писатель раскрыл отношение главных героев к событиям, составляющим сюжет повести, и по одному важному вопросу они достигли согласия:

« — Так... Я хотел сказать, что в странное время мы живем... и люди мы странные.

— Это почему?

— Мы странные люди, — повторил С<ергей> Н<иколаевич>. — Ведь вы ничего не прибавили в вашей исповеди?

— Ничего.

— Гм. Впрочем, это заметно. Мне кажется, в одной России...

— Такая история возможна! — перебил В<ладимир> П<етрович>.

— Такой рассказ возможен.

В<ладимир> П<етрович> помолчал.

— А как ваше мнение? — спросил он, обращаясь к хозяину дома.

— Я согласен с С<ергеем> Н<иколаевичем>, — отвечал он, тоже не поднимая глаз. — Но не пугайтесь, мы не хотим этим сказать, что вы дурной человек, напротив. Мы хотим сказать, что жизненные условия, в которых мы все воспитались и выросли, сложились особенным, небывалым образом, который едва ли повторится. Нам стало жутко от вашего простого и безыскусственного рассказа... не потому, чтобы он нас поразил своею безнравственностью — тут что-то глубже и темнее простой безнравственности. Собственно вы ни в чем не виноваты, но чувствуется какая-то общая, народная вина, что-то похожее на преступление.

— Какое преувеличение! — заметил В<ладимир> П<етрович>.

— Может быть. Но я повторяю "Гамлета": "есть что-то испорченное в Датском королевстве". Но будем надеяться, что нашим детям не придется так рассказывать свою молодость.

— Да, — задумчиво промолвил В<ладимир> П<етрович>. — Это будет зависеть от того, чем эта молодость будет наполнена.

— Будем надеяться, — повторил хозяин дома, и гости разошлись в молчании» [\[10, с. 68\]](#).

То есть общенациональная «нездоровая обстановка» привела к тому, что события сложились «особенным, небывалым образом» [Там же], на фоне чего история рассказчика оказывается понятной слушателям. Тема угнетающей «здешней атмосферы» в этой беседе вновь обозначается со всей чёткостью, и она недвусмысленно отсылает к слова Гамлета «Дания — тюрьма» [\[28, II, 2\]](#), на что указывает упоминание о Датском королевстве в беседе («есть что-то испорченное в Датском королевстве» [\[10, с. 68\]](#)). Таким образом, тема «нездоровой атмосферы» расширяется с индивидуального и семейного уровня до общенациональных масштабов. Как пишет Илья Клигер, эта не вошедшая в канонический русский текст концовка предлагает нам «прочитать личную

историю молодого Володи как национальную басню» [\[29, с. 115\]](#).

Отталкиваясь от этого, нетрудно заметить, что повесть полна тревожных социальных метафор, среди которых не последнее место занимает ощущение угнетения людей властью, насилия, словно спрятанное за легкой поэзией, воспевающей любовь, молодость и красоту. Необыкновенно очаровательная княжна Зинаида играет роль хозяйки «великосветского» салона, помыкает своими поклонниками, полностью управляя ими, устанавливая «правила игры». Она никому не позволяет оспаривать свои приказы, – иначе она обвинила бы своих поклонников в «бунте» [\[23, с. 319\]](#). Но, столкнувшись с более властным авторитетом – отцом Володи Петром Васильевичем, Зинаида сама словно стала его рабыней. С её согласия он заключил её в маленький деревянный домик и даже бил хлыстом. Сцена, где Пётр бьёт Зинаиду, кажется самой жуткой в повести. Он ударяет её хлыстом по руке, а та, как говорит нам Володя, «молча посмотрела на моего отца и, медленно поднеся свою руку к губам, поцеловала заалевшийся на ней рубец» [Там же, с. 360]. В этой сцене отец выглядит тираном, а Зинаида отвечает на насилие благодарностью (целованием). Абсолютное подчинение «власти» достигает здесь своего апогея. Вспомним, что нанесение ударов кнутом как вид наказания издавна ассоциируется с самодержавием. Так, молодой А. С. Пушкин писал об «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина:

В его "Истории" изящность, простота

Доказывают нам без всякого пристрастья,

Необходимость самовластья –

И прелести кнута»

[\[20, с. 112\]](#).

Соположение «самовластья» и «кнута» в этих пушкинских строках весьма показательно. Один из исследователей, увидевший эту аллюзию, отмечает, что она наделяет образ Петра Васильевича «еще одним, самым ярким и существенным, атрибутом суверенитета. Таким образом, в повествовании происходит двойное суверенно- харизматическое насилие: Петр Васильевич применяет его к Зинаиде, а Зинаида передает Володе и другим» [\[29, с. 36\]](#).

Любопытно и положение Петра Васильевича в семье: его сын слепо любит его, тогда как отец явно не проявляет ответных чувств («Я любил его, я любовался им <...>. <К>ак бы я страстно к нему привязался, если б я постоянно не чувствовал его отклоняющей руки! Зато, когда он хотел, он умел почти мгновенно, одним словом, одним движением возбудить во мне неограниченное доверие к себе» [\[23, с. 323-324\]](#) — так Володя рассказывает о своих отношениях с отцом). Супруга Петра Васильевича по неизвестной причине очень его боится («<О>на очень его боялась» [Там же, с. 304], – сообщает Володя). Говоря о своём отце, герой употребляет слово «самовластный» [Там же]; стоит отметить, что это прилагательное обычно используется для описания автократического правителя, здесь же оно перемещено в сферу личных, семейных отношений. Умело используя это меткое слово, писатель подразумевает, что положение отца в семье подобно положению правителя в авторитарном государстве.

Стоит вспомнить, что переплетение государственного и семейного как раз и является одной из ключевых черт трагедии Шекспира «Гамлет». А в повести «Первая любовь» мы наблюдаем такое переплетение на уровне повествования. Также в обоих произведениях

судьбу главных героев во многом определяют их отношения с отцами. Если у Шекспира они, возможно, не описываются так чётко в силу жанрового характера пьесы, то в повести Тургенева отношение сына к отцу явственно обнаруживает проявления Эдипова комплекса, описанного З. Фрейдом. Отношения в Володиной семье не очень здоровы. Сам Володя в начале повести описывает их так: «Отец обходился со мной равнодушно-ласково; матушка почти не обращала на меня внимания, хотя у нее, кроме меня, не было детей: другие заботы ее поглощали. Мой отец, человек еще молодой и очень красивый, женился на ней по расчету; она была старше его десятью годами. Матушка моя вела печальную жизнь: беспрестанно волновалась, ревновала, сердилась — но не в присутствии отца; она очень его боялась...» [Там же, с. 36]. И это типичная картина «проблемных семей», весьма характерных для России середины XIX в. и порождавших ненормальные, нездоровые брачно-семейные отношения. Таким образом, уже с первых страниц повести можно сделать вывод, что Володя живёт в угнетающей, психологически нездоровой атмосфере. Его родителей не объединяет привязанность друг к другу. Володя, единственный ребёнок в семье, не получает той любви, которую он должен получать.

С позиций психоанализа З. Фрейда, продолжительное отсутствие материнской любви может привести к тому, что молодые люди будут испытывать сильную эмоциональную привязанность к старшим женщинам, стремясь восполнить недостаток материнской заботливости, недополученной в детстве. А при выборе супруги это может проявиться в предпочтении молодыми мужчинами более зрелых женщин, что Фрейд называет «влиянием материнского прообраза на выбор объекта» [25, с. 23]. Появление в жизни Володи сияющей и прекрасной Зинаиды, которая была старше него на пять лет, пробудило в пылом сердце юноши волшебное чувство любви и позволило ему ощутить материнскую нежность, которой ему не хватало. Володя попал к ней в фавор и был полностью ослеплён своим чувством: «<О>на потешалась моей страстью, дурачила, баловала и мучила меня» [23, с. 326]. Обратим внимание на слово «баловала»; баловство — это неотъемлемый элемент отношений родителей и детей. Из всех сил стараясь завоевать сердце Зинаиды, юный герой в итоге получил лишь поцелуй в лоб: «<О>на напечатлела мне на лоб чистый, спокойный поцелуй» [Там же, с. 342]. Но поцелуй в лоб в христианских странах обычно представляет собой выражение заботы или благословения со стороны старших по отношению к младшим. Иначе говоря, в этом поцелуе проявляется материнская привязанность, а Володя был для Зинаиды лишь объектом материнской любви, что подтверждала и она сама, неоднократно говоря об их разнице в возрасте. Она говорила Володе «милый мой мальчик» [Там же, с. 336], называла его «шалуном» [Там же, с. 337], а однажды даже прямо сказала ему: «Послушайте, ведь я гораздо старше вас — я могла бы быть вашей тетушкой, право...» [Там же, с. 342]. Володя для неё лишь «милый, хороший, умный» ребенок, которого она «очень любит» [Там же].

Володя был очарован прелестью Зинаиды, однако он не вполне отдавал себе отчёт в том, какие именно чувства он к ней испытывает («Меня жгло как огнем в ее присутствии... но к чему мне было знать, что это был за огонь, на котором я горел и таял, — благо мне было сладко таять и гореть» [Там же, с. 353]), и посчитал эти чувства любовью. Интересно и то, что мать Володи относилась к Зинаиде враждебно. После их первой встречи она презрительно назвала героиню как «гордячку» «с внешностью гризетки» [Там же, с. 317]. Позднее матушка неоднократно давала Володе понять, что она не хочет, чтобы Володя встречался с «гордячкой», и «очень о ней дурно отзывалась» [Там же, с. 354] при отце. Она с самого начала видела в девушке

потенциальную соперницу. Образы и характеры двух женщин в повести резко контрастны: мать старая (на десять лет старше отца), раздражительная и требовательная, она «вела печальную жизнь: беспрестанно волновалась, ревновала, сердилась» [Там же, с. 304], Зинаида же молодая, «живучая и красивая» [Там же, с. 326], жизнь развила в ней «какую-то полупрезрительную небрежность и невзыскательность», также Володя отмечал, что и «горя ей мало» [Там же, с. 327]. Эта оппозиция словно ставит Зинаиду в выигрышное положение по отношению к матери героя. Она кажется ему идеальной и даже в чём-то заменяет мать.

Открытие Володи того, что он соперничает за любовь Зинаиды со своим отцом, придаёт первой любви тургеневского юноши ещё более необычный характер. Это соперничество, как пишет Ш. Липке, «не только вызывает травму, но и возникает в связи с более ранней травмой, которая, правда, связана не с сексуальным насилием, а с отстраненностью между сыном и родителями» [15, с. 507]. Когда Володя узнает, что объектом его подозрений, ревности и планируемой мести оказывается его собственный отец, «<р>евнивый, готовый на убийство Отелло внезапно превратился в школьника» [23, с. 351]. На следующий день он признаётся себе: «Вчерашнее волнение прошло. На его место пришли тяжелое смятение и какая-то печаль, словно что-то умерло во мне» [Там же]. Поиски истины, разочарование и отчаяние, вызванное столкновением с жестокой правдой, приближают Володю к Гамлету. Принц датский, узнав, что убийца его отца – его же собственный отчим, тоже погружается в нравственные метания, сомнения, смятение. Но тургеневский герой, в отличие от шекспировского принца (который, впрочем, по мнению Тургенева, случайно убил своего отчима), сдаётся, прекращает борьбу. С позиций психоанализа, Володя воспринимает Зинаиду как свою мать или её заместителя, а, так как мать принадлежит отцу, отнимать её у него — грех или по крайней мере морально недопустимое деяние. Это приводит его к мысли, что отец должен восторжествовать, а ему самому следует потерпеть поражение. Вместе с тем отец для Володи является абсолютным авторитетом. Завоевание им Зинаиды ещё больше усиливает покорность ему Володи («Напротив: он как будто еще вырос в моих глазах...» [Там же, с. 356]). Под воздействием отцовского величия (во многом мнимого) юному герою приходится признать, что победителем в соперничестве за Зинаиду стал отец.

Как и Гамлет, переживший безнравственный поступок своего отчима, Володя пережил безнравственный поступок своего отца, в результате чего испытал тяжелый психологический удар. Его прекрасные идеалы были полностью разрушены жестокой реальностью подобно цветам, которые, как говорит сам Володя, «были вырваны разом и лежали вокруг меня, разбросанные и истоптанные» [Там же, с. 354]. Свойственная гамлетовскому типу нерешительность, ведущая к неспособности разрешить политические и этические дилеммы, не позволяет юному герою стать сильной, самостоятельной личностью. Моральный надлом, разочарованность в жизни, досада от несправедливости – вся эта внутренняя дисгармония героя, вызванная хаосом и дисгармонией внешнего мира, не может привести его, как пишет Белинский, к «мужественной и сознательной гармонии и самонаслаждению духа» [2, с. 292], вместо этого он становится русским Гамлетом, беспомощным, растерянным, безвольным. Через несколько лет, когда эта ситуация уже осталась в прошлом, Володя, окончив университет, не знал, куда себя деть, он «шлялся пока без дела» [23, с. 362]. Как справедливо отмечает Г. Н. Боева, «он доживает свою жизнь как придется <...>, оставшись инфантильной личностью, живущей бессознательными импульсами, не сконцентрировавшей свою энергию на овладении жизнью» [4, с. 88]. Эта охватившая героя после неудачи в любви неспособность устроить собственную жизнь ещё более отчётливо подчёркивается в самом конце повести: Володя

упускает возможность увидеться с Зинаидой. Желание такой встречи у него есть, но ему мешают внешние обстоятельства, преодолеть которые в силу своей безволяности он уже не может. Он больше не способен бороться за своё счастье. Он не способен даже понять истинных причин своего несчастья – в финале повести мы видим это по сорокалетнему Володе, сетующему на незаметно промелькнувшую жизнь; он окончательно утрачивает возможность изменить свою жизнь к лучшему, внести хотя бы что-то положительное в своё беспросветное существование.

Подводя итог, можно сказать, что ни Володя, ни его литературный прототип Гамлет не вольны распоряжаться своей судьбой. Оба оказываются поставлены обстоятельствами в сложную ситуацию, которая не может кончиться добром. Гамлет, чтобы вырваться из мира внутренних и внешних противоречий, сознательно идёт к единственному возможному в его представлении выходу – смерти, герой же Тургенева, хотя и не умирает, также ищет возможности встретиться со смертью: «по собственному неотразимому влечению» он «присутствовал при смерти одной бедной старушки» [\[23, с. 363\]](#). Но эта старушка, несмотря на то, что пришёл час её кончины, всё же не хотела расставаться со своей нищей жизнью. Смерть, таким образом, представлена Тургеневым как стихия жестокая, неумолимая: того, кто не хочет уходить из жизни, она забирает, а того, кто её алчет, утратив смысл существования, она оставляет страдать дальше. Поэтому русский Гамлет трагичен ещё и тем, что он никак не может избыть свои страдания. Он умер только морально, но физически вынужден продолжать свою бесцельную жизнь. Впрочем, какую-то надежду писатель нам всё же даёт: на вечный гамлетовский вопрос «быть или не быть» тургеньевский Гамлет отвечает: «Быть». Именно поэтому он хочет помолиться не только за Зинаиду, за отца, но и «за себя» [Там же, с. 364].

Заключение

В повести «Первая любовь» И. С. Тургенев, по сути, вписал своего героя в шекспировскую драматическую схему. Использование шекспировской образности позволило ему ярко изобразить мятущуюся личность, страдающую от внутренних противоречий, и эта личность была помещена писателем в контекст русской жизни, что неизбежно придало ей некоторые особенности. Почерпнув из традиции немецкого и русского гамлетизма тезисы о самопознании, нравственных дилеммах, несовершенстве социального строя вследствие неспособности рефлектирующей молодёжи его изменить, писатель воплотил эти темы в собственной повести. В ней он преподносит несчастливую любовную историю юного героя как социально-политическую аллегория, проецируя детские воспоминания Володи на тягостное для свободолюбивой молодёжи общественное положение времён начала царствования Николая I. Авторитарная, извращенная, неустроенная социальная обстановка оказала на взросление молодого поколения 1830-х гг. не самое позитивное влияние. Политико-этическая дилемма этого поколения описывается Тургеневым на примере первой любви: она так же, как и стремление рефлектирующей молодёжи 1830-х гг. что-то изменить, ничем не заканчивается, а лишь приводит героя к трагическому провалу, что наносит ему серьёзную психологическую травму, из-за которой он и становится русским Гамлетом.

Библиография

1. Батюто А. И. Избранные труды. СПб.: Нестор-История, 2004.
2. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 2. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953.
3. Беляева И. А. Система жанров в творчестве И. С. Тургенева. М.: МПГУ, 2005.

4. Боева Г. Н. Предвкушение фрейдизма: опыт интерпретации повести И. С. Тургенева «Первая любовь» // IV Фрейдовские чтения: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции / под ред. М. М. Решетникова. СПб.: Восточноевропейский институт психоанализа, 2019. С. 80–92.
5. Вдовин А. Семейная драма Тургеневых: повесть «Первая любовь». URL: <https://magisteria.ru/ivan-turgenev-and-his-time/first-love> (дата обращения: 27.10.2023).
6. Волков И. О. Уильям Шекспир в художественном мире И. С. Тургенева: «Гамлет» и «Король Лир»: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2019.
7. Высокович К. Тургенев и Шопенгауэр // Летняя школа по русской литературе. 2016. Т. 12. № 4. С. 410–423.
8. Гутман Д. С. И. С Тургенев о Шекспире // О традициях и новаторстве в литературе и устном народном творчестве: сборник статей. Уфа, 1964. С. 139–154.
9. Кийко Е. И. Комментарии: И.С. Тургенев. Первая любовь // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 478–492.
10. Кийко Е. И. Окончание повести «Первая любовь» (1863) // Литературное наследство. 1964. Т. 73. № 1. С. 59–68.
11. Коробейникова О. Ю. «Первая любовь» И. С. Тургенева: языки культуры // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2008. Т. 4. № 3. С. 154–159.
12. Левин Ю. Д. Русский гамлетизм // От романтизма к реализму. Л., 1978. С. 189–236.
13. Левин Ю. Д. Шекспир и русская литература XIX века. Л.: Наука, 1988.
14. Левин Ю. Д. Шестидесятые годы // Шекспир и русская культура / под ред. М. П. Алексеева. М.; Л., 1965. С. 407–543.
15. Липке Ш. Миметическое желание, соперничество между отцом и сыном и травматичный опыт в новелле И. С. Тургенева «Первая любовь» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 504–513.
16. Лотман Л. М. Комментарий [к повести «Степной король Лир»] // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Сочинения: в 15 т. Т. 10. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1965. С. 482–501.
17. Луков В. А. Шекспиризация (к теории и истории принципов-процессов) // Шекспировские студии: Трагедия «Гамлет». Материалы научного семинара, 23 апреля 2005 года. М.: Московский гуманитарный университет, 2005.
18. Мериме П. Иван Тургенев // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М., 1963.
19. Пумпянский Л. В. Тургенев-новеллист // Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 427–447.
20. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Правда, 1969.
21. Трофимова Т. Б. «Вы рассказываете детям сказку или повесть...»: рассказ «Маленький герой» Ф. М. Достоевского и повесть «Первая любовь» И. С. Тургенева // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2018. № 6. С. 177–189.
22. Тургенев И. С. Вешние воды // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 8. М.: Наука, 1981. С. 255–384.
23. Тургенев И. С. Первая любовь // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1981. С. 301–364.
24. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 11. М.: Наука, 1955.
25. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923.
26. Хохлова М. П. О роли литературных реминисценций и аллюзий в повести И. С. Тургенева «Первая любовь» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 6. С. 65–69.

27. Швецова Т. В. «Гамлет» в контексте творчества И. С. Тургенева: дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2002. 194 с.
28. Шекспир У. Гамлет. Избранные переводы. М.: Радуга, 1985.
29. Kliger I. Scenarios of Power in Turgenev's First Love: Russian Realism and the Allegory of the State // The Center for Slavic, Eurasian and East European Studies Comparative Literature. 2018. Vol. 70. Is. 1. pp. 25–45.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Нравственные дилеммы и взросление героя гамлетовского типа в повести И. С. Тургенева «Первая любовь», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к вопросам изучения реминисценции творчества У. Шекспира в произведениях русского писателя Ивана Тургенева.

Автор обращается к истолкованию образа Гамлета в тургеновских произведениях, проводя сравнительное исследование образов.

Отметим, что работа приносит определенный вклад в развитие, в том числе, как общей теории языкознания, так и литературоведения. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Методология исследования заключается в описательном методе и компиляции, научных методов исследования не применено.

Содержательно исследование кажется шире, чем заявленная автором в заглавии тема, по тексту работы заявленная тематика не выдерживается и ответа на выдвинутые тезисы нет. Собственно говоря, автор больше обращается к реминисценции образа Гамлета в мировой литературе, а не в творчестве Тургенева.

Структурно исследование отличается от общепринятых канонов работ данного типа. Так, введение не содержит постановку проблемы, задачи и цели, выдвигаемые автором, которые должны коррелироваться с выводами по итогам статьи. Не представлена историография вопроса, а именно кто и насколько глубоко обращался к данной теме как в отечественной филологии, так и в мировой.

Отсутствуют обзор теоретических источников и научных направлений по рассматриваемому вопросу.

Исследовательская часть не представлена, работа является описательной, базируется на чувственном восприятии, никаких убедительных доказательств, полученных исследовательским путем не приведено.

Библиография статьи насчитывает 18 источников, среди которых теоретические работы представлены как на русском языке, так и на иностранном, часть из которых – художественные тексты.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы отечественных исследователей, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Технически при оформлении библиографического списка нарушены общепринятые требования ГОСТа, а именно алфавитный принцип выстраивания списка источников.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в

дальнейших исследованиях. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания на специализированных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Нравственные дилеммы и взросление героя гамлетовского типа в повести И. С. Тургенева «Первая любовь» может быть рекомендована к публикации в научном журнале после внесения изменений, а именно: 1) уточнение заголовка и содержания статьи, 2) структурирование библиографического списка, 3) усиление научной базы исследования, 4) описание методологии исследования.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи не нов, имеется достаточное количество работ, диссертационных проектов, которые ориентированы на дешифровку проблемы связности «творчества И.С. Тургенева с текстами У. Шекспира». Однако, статья имеет компилятивный характер, подчеркивающий значимость и важность указанного вопроса. Автор не просто, фактически дублирует мысли, точки зрения, высказанные ранее, но подвергает их должной аналитике. Таким образом, нужная научная канва выдержана, текст ориентирован на структуризацию опыта, выстраивание необходимой параллели с настоящим, современным состоянием. Замечу, что методология исследования находится в рамках не только сопоставительного режима, но и рецептивного, конструктивного. Материал можно достаточно продуктивно использовать при знакомстве с творчеством Ивана Тургенева, изучения истории русской классической литературы XIX века. Формальные блоки работы соразмерны, серьезных нарушений в тексте не выявлено; считаю, что тема раскрыта полновесно, цель достигнута. Весьма удачно в работе достигается т.н. предел апелляции к оппонентам, диалог выстраивается и с потенциально заинтересованным читателем. Содержательный уровень исследования высок, работа информативно насыщена (см. список библиографических источников). Тезисы по ходу текста объективны, точны: например, «известно, что на протяжении всей своей жизни И. С. Тургенев поддерживал диалог с У. Шекспиром. Он ставил английского драматурга на одной доске с самым выдающимся и легендарным певцом античности — Гомером, и называл его «глубочайшим знатоком человеческого сердца». По мнению русского писателя, имя Шекспира уже стало «одним из самых лучезарных, самых великих человеческих имен», или «изучение проблемы рецепции шекспировского наследия в творчестве Тургенева, а также художественного воздействия Шекспира на писателя имеет давнюю традицию, которая прослеживается в исследованиях российских и зарубежных ученых. Проспер Мериме четко указывает на сходство эстетики Тургенева с шекспировской («Он находит возвышенные черты даже в самых низменных натурах. Он часто напоминает мне Шекспира»). Первая попытка обобщить и систематизировать тургеневское восприятие английского гения принадлежит Д. С. Гутману», или «интерес Тургенева к шекспировской пьесе «Гамлет» и ее главному герою оставался неизменным на протяжении всей его творческой жизни. Трагедия Шекспира стала источником вдохновения для писателя. На присутствие датского принца в произведениях Тургенева указывали многие ученые, специально этот вопрос исследовали Т. В. Швецова и И. О. Волков», или «отталкиваясь от этого, нетрудно заметить, что повесть полна тревожных

социальных метафор, среди которых не последнее место занимает ощущение угнетения людей властью, насилия, словно спрятанное за легкой поэзией, воспевающей любовь, молодость и красоту. Необыкновенно очаровательная княжна Зинаида играет роль хозяйки «великосветского» салона, помыкает своими поклонниками, полностью управляя ими, устанавливая «правила игры». Она никому не позволяет оспаривать свои приказы, – иначе она обвинила бы своих поклонников в «бунте» и т.д. Оценочные / собственно аналитические фрагменты в работе достаточно качественно сформулированы, автор включает т.н. «логические связки», делает «нужные отсылки»: например, «стоит вспомнить, что переплетение государственного и семейного как раз и является одной из ключевых черт трагедии Шекспира «Гамлет». А в повести «Первая любовь» мы наблюдаем такое переплетение на уровне повествования. Также в обоих произведениях судьбу главных героев во многом определяют их отношения с отцами. Если у Шекспира они, возможно, не описываются так чётко в силу жанрового характера пьесы, то в повести Тургенева отношение сына к отцу явно обнаруживает проявления Эдипова комплекса, описанного З. Фрейдом. Отношения в Володиной семье не очень здоровы». Разве не в сравнительном ключе оформлен данный фрагмент, разве не ориентирует он на размышления «последующего толка», после того как прочитаны тексты, дана нужная критика!? Таким образом, структура имеет четко последовательный тип, стиль соотносится с научной парадигмой. Финальная часть есть предел циклизации: «подводя итог, можно сказать, что ни Володя, ни его литературный прототип Гамлет не вольны распоряжаться своей судьбой. Оба оказываются поставлены обстоятельствами в сложную ситуацию, которая не может кончиться добром. Гамлет, чтобы вырваться из мира внутренних и внешних противоречий, сознательно идёт к единственному возможному в его представлении выходу – смерти, герой же Тургенева, хотя и не умирает, также ищет возможности встретиться со смертью...», и далее – «в повести «Первая любовь» И. С. Тургенев, по сути, вписал своего героя в шекспировскую драматическую схему. Использование шекспировской образности позволило ему ярко изобразить мятущуюся личность, страдающую от внутренних противоречий, и эта личность была помещена писателем в контекст русской жизни, что неизбежно придало ей некоторые особенности», «автократическая, извращенная, неустроенная социальная обстановка оказала на взросление молодого поколения 1830-х гг. не самое позитивное влияние. Политико-этическая дилемма этого поколения описывается Тургеневым на примере первой любви: она так же, как и стремление рефлектирующей молодёжи 1830-х гг. что-то изменить, ничем не заканчивается, а лишь приводит героя к трагическому провалу, что наносит ему серьёзную психологическую травму, из-за которой он и становится русским Гамлетом». Наличный текст будет интересен как подготовленной, так и «неподготовленной» читательской аудитории. Материал доступен, версия, высказанная автором работы прозрачна, целостна. Думаю, что название статьи может быть чуть скорректировано, например, «Экзистенциальная дилемма героя повести И.С. Тургенева «Первая любовь»: не прямой диалог с У. Шекспиром». Рекомендую данный материал к открытой публикации в журнале «Litera».